

Р.Ю. ШЕБАЛОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'37

ББК Ш141.2-3

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСИВНЫХ ОППОЗИЦИЙ КАК ПРИЕМ АВТОРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвокультурных маркеров авторской оценки на материале публицистики В.А. Шендеровича. Автор анализирует заметки, опубликованные в 2012–2013 гг., и выявляет дискурсивные оппозиции, характерные для особенностей русской и зарубежной моделей действительности.

Ключевые слова: дискурс, лингвокультурный, В.А. Шендерович, оппозиция.

Моделирование особого авторского взгляда на действительность в тексте невозможно без придания этой действительности параметров узнаваемости. Это может достигаться как использованием знакомых читателю «координат» (имен собственных, типовых ситуаций, поведенческих реакций, прецедентных явлений и пр.), так и оценкой, явно или косвенно характеризующей такие «координаты». В пределе формируется специфический дискурс, репрезентирующий авторскую позицию, как комплексный иллокутивный по своей природе феномен, в одинаковой степени достоверный и мнимый. Важнейшей его характеристикой оказывается «оппозитивность» как способность к соединению несоединимого: объективного и субъективного, нейтрального и острополюемического, индивидуально-личностного и общесоциального.

Одним из наиболее типичных примеров такого типа «оппозитивного» дискурса является публицистика с установкой на оценку действительности с помощью авторской субъективизации ее характерных особенностей. Применительно к таким текстам, пожалуй, в наибольшей степени заслуживает внимания творчество В. Шендеровича.

В современной российской публицистике В.А. Шендерович по праву занимает ведущее место. С одной стороны, он является одним из немногих наследников традиций остросатирической журналистики 90-х годов XX века, с другой – писателем, ориентированным на классические образцы русской сатиры (в первую очередь, произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина). Сложное переплетение указанных стилевых установок в сочетании с авторской системой оценки «проклятых вопросов» текущей российской действительности придает его творчеству уникальный для нынешней журналистики характер.

Одной из титульных лингвокультурных установок В.А. Шендеровича является оценка современной ему внутрироссийской ситуации с позиции мнимой внеположенности – при взгляде на нее «оттуда», из-за границ России. Результатом такого авторского подхода становится не только стереоскопичность трактовок типичных и от того не менее достойных удивления примет российской действительности и не только эффект объективности как результат ситуации приобретения нового заграничного опыта в сравнении с опытом российским, но и реализуемый таким образом прием вовлечения читателя в диалог с автором. Этот диалог провоцируется демонстрацией зарубежных реалий в их сопоставлении с аналогичными (однопорядковыми, на первый взгляд) реалиями российскими, однако результат сопоставления зачастую опрокидывает первоначальные социокультурные установки и ожидания читателя. Такая нетривиальность, основанная на эффекте обманутого ожидания, формирует особый игровой контекст публицистики В.А. Шендеровича.

Рассмотрим технику создания такого контекста подробнее.

Наиболее продуктивным в логике моделирования культурных оппозиций «зарубежное – российское» в текстах В.А. Шендеровича оказывается формат *бытовой зарисовки*, позволяющий на материале конкретных наблюдений над реалиями заграничной действительности оценить реалии российские. Так, в заметке «Пробка по-луизиански» («Ежедневный журнал», 15.03.2013) описывается типичная для любого городского жителя ситуация дорожного затора, причину которого россиянин (в первую очередь, москвич) традиционно склонен искать в перекрытии доро-

ги из-за правительственного кортежа (...*Обама приперся с Мишелью своей попиариться с народом, вот они весь город раком и поставили...*). Оценка этой ситуации в тексте дана через имитацию традиционно российской речевой манеры поведения участников дорожного движения: молниеносную готовность к резко негативным высказываниям, нарастание раздражения, апелляцию к властям: ...*К пятой минуте раздражение начинает идти ноздрями. Небось, думаю, начальство какое-нибудь пожаловало, вот они и перекрыли. У-у, гады. <...> Я буду жаловаться в ваш луизианский курултай! <...> Минуте на восьмой понимаю, что писать надо в Вашингтон. Вот специально выучу английский и напишу! Пускай наведут порядок в Луизиане! Это ж ни в какие ворота! Сколько можно держать людей!* Однако такая хамоватость речевой манеры опрокидывается объяснением действительной причины пробки на дороге: *Тут автоколонна трогается наконец, и через минуту мы проползаем мимо источника нашего бедствия: чего-то типа начальной школы, из которой <...> расходятся мелкие креолы, лет шести-семи. Это вот ради этих и перекрывали движение. Чтобы они, гуськом, в несколько слабо организованных порций, перешли улицу...* Завершением этого описания становится упоминание первого лица российской государства, что, с одной стороны, стилистически соотносится с предшествующим контекстом, передающим бессильное возмущение участника событий по малозначительному поводу, а с другой – выступает как символ вседозволенности российской власти: *Путина на них нет.* Здесь фамилия президента России маркирует уже не столько бытовые (дорожные), сколько социокультурные различия между американской и российской действительностью: насколько для американцев невозможно предстать, чтобы движение транспорта было без предупреждения перекрыто из-за проезда государственных чиновников, настолько же для русских это невозможно сделать из-за необходимости группе школьников перейти дорогу. В этом смысле Зарубежье представлено как некоторая антонимичная по отношению к современной российской культуре реальность, в которой не работает российская бытовая логика и к которой традиционная российская речевая культура оказывается неприменимой.

Сходный прием используется В.А. Шендеровичем и в целом ряде других текстов: «Зеркало игры» (Радио «Свобода», 04.07.2012), «Государство – это кто?» («The New Times», 20.08.2012), «Квартира за углом» («The New Times», 24.12.2012) и др. Здесь бытовые наблюдения становятся поводом к обнаружению коренных противоречий понятийно-категориального и социального характера между зарубежными и российскими культурными практиками. Зарубежье в такой трактовке оказывается территорией, где просто невозможно то, что возможно в России, или пространством-убежищем для отдельных категорий россиян: *Так и не состоявшийся в новой России средний класс, деклассированная советская интеллигенция, бизнесмены, бежавшие из путинской малины, – привет вам всем от внучки Петра Струве и внучки Льва Шестова, обитающих тут с позапрошлого поворота колеса! Этой волной прибывает Париж, ею убывает Москва* («Квартира за углом»).

Другим форматом, активно используемым в публицистике В.А. Шендеровича, является *культурно-историческая аналогия*, предполагающая расширение контекста описываемой ситуации до общенациональных и/или общегосударственных масштабов и (параллельное) описание зарубежной и российской действительности с одновременной их оценкой. Такая творческая установка прототипически отсылает читателя к произведениям В.Н. Войновича, С.Д. Довлатова, Э.В. Лимонова и в то же время позволяет автору аккумулировать в текстах лингвокультурные маркеры российской и зарубежной (в том числе эмигрантской) традиций в острополемических целях. В этом смысле из последних текстов В.А. Шендеровича наиболее показателен «Антино-стальгин» («The New Times», 13.03.2013).

Заметка структурно организована по принципу «было – стало»: в первой части описывается легендарная история о В.Н. Войновиче, получившем перед эмиграцией от одного из друзей коробку с записями речей Л.И. Брежнева, записи надо было послушать для подавления ностальгии; во второй части приведены наблюдения автора над знакомыми ему эмигрантами, которые смотрят российские телеканалы с той же целью. Эта методика борьбы с ностальгией *«безотказно улучшает ее* [рус-

ской эмигрантки Н. из Далласа – Р.Ш., А.К.] *настроение, помогающая увериться в том, что она правильно сделала, уехав когда-то с Родины, где спустя десятилетия после издыхания «совка» продолжает царить – такое...»*. Таким образом, с одной стороны, формально противопоставленные в тексте стадии социально-культурного развития России оказываются парадоксально идентичны и, с другой, сопоставленные русское и зарубежное социокультурные пространства представляются принципиально несходными как во времена «оны», так и в современности. Такой расширительный контекст рассмотрения особенностей российской ментальности на фоне зарубежных культурных установок позволяет В.А. Шендеровичу моделировать в своих произведениях социально-культурные универсалии, одинаково применимые к носителю российской (в том числе советской) культуры, находящемуся по обе стороны границы. В роли лингвистических маркеров советской и российской социокультурных сфер выступают имена собственные: *Владимир Войнович, Леонид Ильич Брежнев, Проханов, Шевченко, Куприн, Самойлов, Александр Андреевич* [Проханов], *Максим Леонардович* [Шевченко]; *КПСС, RTVi, «Эхо Москвы», «Останкино»; Москва*. В целом текст демонстрирует установку автора на игровое опрокидывание стереотипа¹ о смене базовых для России социокультурных параметров в связи со сменой политических режимов. Выстраивание набора имен собственных как детерминативов прежней русской – прошлой советской – нынешней российской культур формирует парадоксальное (нестереотипное) пространство, в котором определяющую роль играет не время или территориальное местоположение, а культурная традиция.

Сходный принцип параллельного сопоставления зарубежного и российского использован в заметке «Диагностика» («Ежедневный журнал», 19.02.2013). Автор использует здесь прием игрового наложения российских социально-политических

¹ О дискурсивном проявлении *принципа опрокидывания* («ломки», «переключения») *стереотипа* как ассоциативной стратегии языковой игры см. в монографии Т.А. Гридиной «Языковая игра: стереотип и творчество». – Екатеринбург, 1996.

практик на аналогичные практики, характерные для США. Результатом становится острополемическое опровержение современной российской действительности применительно к частному, но, в интерпретации В.А. Шендеровича, показательному случаю смерти Максима Кузьмина, усыновленного в США. «Точками пересечения» в заметке избраны базовые для современного демократического общества социальные институты: СМИ как транслятор информации и мнений, следственные органы и полиция как защитники правопорядка, гражданское общество как инструмент влияния на власть. При наложении современных российских практик функционирования этих институтов на американские становится очевидной их несопоставимость: *Уголовное дело по факту смерти мальчика немедленно возбуждено в Техасе – и будет там расследовано, даже если приемная мать погибшего окажется видным членом Республиканской партии или топ-менеджером Техасо. <...> За ходом дела и приговором внимательно проследят СМИ, и если случится дискриминация, будет большой скандал, и судебная практика будет исправлена. <...> Если же дело сокрытия детоубийц от наказания примет системный характер, американцы выйдут хоть к Верховному суду, хоть к Белому Дому, и ОМОНа там не встретят. <...> Если дело о смерти Максима Кузьмина вдруг станет символом беззакония и дискриминации, об этом в самый прайм-тайм не устанут говорить СМИ – и не фейсбук, а вплоть до CNN! <...> В Америке телезрители становятся избирателями – в случае чего они просто попрут вон власть, укрывающую неправый суд.*

Социальная полемичность поддерживается автором за счет использования в тексте прецедентных имен собственных и упоминания прецедентных ситуаций. Например, *Уолтер Кронкайт* (американский тележурналист, приобретший репутацию ведущего новостей, которому американцы доверяли больше всех), *чайки* (Ю.Я. Чайка – генеральный прокурор Российской Федерации), *добродеевы* (О.Б. Добродеев – генеральный директор Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании). Прецедентные ситуации: *Журналисты в Америке прогоняли в импичмент президентов и получали пулит-*

церовскую премию за то, за что Политковская получила пулю (намек на отставку Р. Никсона в 1974 г. в результате Уотергейтского скандала, а также общественной практики присуждения известной премии в том числе за достижения в области журналистики (например, в номинациях «За служение обществу», «За выдающуюся подачу сенсационного материала», «За выдающееся расследование», «За раскрытие национальной темы», «За международный репортаж», «За редакционный комментарий» и др.) в сопоставлении с убийством в 2006 г. российского журналиста А.С. Политковской).

Социально-политическая тенденциозность текстов В.А. Шендеровича опирается на оценочность, демонстрируемую в рамках функционально-стилевых и жанровых параметров публицистики. В то же время лингвокультурные характеристики авторских интенций представляют собой не менее важный аспект репрезентации образа современной российской действительности. Безусловно, зарубежное у В.А. Шендеровича ценно не само по себе, а в его дискурсивной со- и противопоставленности российскому. В связи с этим полемическая заостренность этого со- и противопоставления зачастую требует от автора некоторой идеализации образа Зарубежья и, соответственно, демонизации образа современной России. Эта идиостилевая установка, на наш взгляд, достаточно успешно реализуется через лингвокультурные маркеры, позволяющие однозначно идентифицировать зарубежную и российскую модели действительности в публицистических текстах В.А. Шендеровича.

© Шебалов Р.Ю., 2013